

**АПОСТОЛИС
ПАПАКОСТАС**

профессор социологии
в Университете Södertörn

КОРРУПЦИЯ КАК СИМПТОМ НЕРАБОТАЮЩЕЙ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ

Когда мы говорим о коррупции, то сталкиваемся с общей проблемой: люди не знают, что является ее противоположностью. Необходим функциональный эквивалент, которым можно было бы ее заменить, ведь нередко обыватели уверены, что те же взятки — это нечто хорошее и полезное, заставляющее работать неработающий механизм. С помощью коррупции можно получить результат, а без нее — нельзя. И они не задумываются, что проблема в самом механизме, в его неправильной работе, и заставлять его функционировать с помощью взяток совершенно непродуктивно.

Для противодействия коррупции необходимы механизмы структурированного скептицизма. Например, радикальная прозрачность представляет собой социальную технологию, которая делает власть и процесс принятия властных решений видимыми.

Социальная жизнь не «играет в кости», не полагается на случайные или обусловленные обстоятельствами проявления недоверия, она развивает механизмы, способные более или менее структурированным образом охватить основные формы социального недоверия и сделать их более цивилизованными, превратив их в структурированный скептицизм. В этом смысле структурированный скептицизм становится механизмом, который направляет и трансформирует социальное недоверие в социальный капитал, укорененный в организации общества, и расширяет доверие, превращая его из характеристики закрытых социальных отношений в обобщенное доверие к социальным институтам. Я выделил три формы структурированного скептицизма: *post hoc* скептицизм (например, защита

диссертаций); радикальная прозрачность; прозрачность, основанная на правилах (идеальная бюрократия).

Необходимо, однако, дополнить этот перечень еще одной формой скептицизма — упреждающим скептицизмом (*proactive skepticism*), который, по существу, предполагает общество с институционализированными практиками скептицизма. Институционализированные практики скептицизма обладают цивилизующим эффектом, который распространяется на все общество, прежде всего благодаря созданию механизмов, которые делают видимыми, выделяют и нейтрализуют интересы, присутствующие в социальной жизни, и трансформируют разумные выражения социального недоверия в структурированные практики скептицизма, — и тем самым цивилизуют доверие.

Без такой трансформации социальное недоверие может превратиться в культурные практики «аморального фамилизма» или в распространенный цинизм и апатию по отношению к публичной и политической сферам. В руках политических предпринимателей оно может быть превращено в популистские массовые движения, направленные против оснований демократии. Рост популизма, заметный в значительной части Западной Европы, является, возможно, простым отражением того факта, что современные формы организации публичной сферы не позволяют институтам создавать и практиковать структурированный скептицизм. Несмотря на его локальные вариации, современный популизм в Европе имеет общий знаменатель, который часто упускают из виду: он стремится завладеть существующим социальным недоверием и направить его в асоциальные формы движения против базовых условий существования демократии. Может показаться, что социальные реформаторы сделали политическим предпринимателям-популистам неожиданный подарок, продвигая реформы, которые подрывают и ослабляют институты структурированного скептицизма.

Необходимо доверие, но для того чтобы создать это доверие, нужно создать механизмы и институты, базирующиеся на структурированном скептицизме, которые я описал в книге «Становление цивилизованной публичной сферы. Недоверие, доверие и коррупция». Когда в обществе есть несколько таких институтов, гражданам не нужно участвовать в коррупционных отношениях. Зачем платить деньги чиновнику, если он и так получает то, что должен получить?

То есть противоположность коррупции — хорошо функционирующее государство. Вы можете получить то, что должны получить, как гражданин вы можете рассчитывать на это. Вы обращаетесь в государственный орган и получаете одно и то же, независимо от того, какой чиновник занимается вашим делом. То есть лучшее лекарство против коррупции — заставить работать государственный сектор.

Что сделать, чтобы он заработал? Есть стереотип, что если мы введем строгие законы и наказания, коррупция уменьшится. Но это не так, необходима функционирующая публичная сфера, качественное правительство, иначе это не работает. Если люди не получают то, что они имеют право получать, коррупцию не искоренить.

Новые законы тоже плохо помогают в борьбе с коррупцией, хотя кажется, что вот появятся некая рутина и правила, станет лучше. Но нужно нечто большее. Если публичная сфера работает, нет необходимости в новых законах. Государственным органам необходимо развиваться в организационном плане, а для этого нужны образованные люди.

Я считаю, что коррупция — это симптом неработающей публичной сферы. Поэтому, когда мы пытаемся лечить этот симптом, коррупция будет возникать снова и снова, до тех пор, пока не заработает публичная сфера. Если у вас есть иллюзия, что для лечения коррупции нужны только законы и наказания, вы лечите симптом. Конечно, он будет возвращаться снова, снова и снова, если не решать проблему, если публичная сфера не функционирует. Знаете, в некоторых скандинавских странах, если спросите местных жителей, почему они доверяют, они ответят, что это их культура. И эксперты подхватывают эту идею, списывая все на культурные особенности. Но это не так, это институциональный вопрос. Только потому, что институты работают, люди получают эту культурную идею.

То же самое касается того, почему граждане платят налоги. Здесь, в Швеции, платят налоги, потому что у государства есть способность контролировать общество. Статистика, демография, обновленные реестры и т. д. Благодаря им общество в Швеции прозрачно. Даже доходы граждан. Если вы напишете письмо в налоговую службу, вы получите копию моей декларации, узнаете, чем я владею, сколько зарабатываю. Все публично, и поэтому мы действительно доверяем друг другу. То, что является публичным, обмануть трудно. И поскольку общество прозрачно, в Швеции нелегко обманывать. Это не вопрос культуры, это трудно сделать технически, потому что есть институты, регулирующие поведение людей.

Вы можете видеть коррупцию, наблюдая за показным потреблением некоторых групп населения. Здесь, в Швеции, есть история о промышленной компании, которой удалось контролировать своих менеджеров. Идея заключалась в том, чтобы они жили не так, как рабочие: у них лучше машины, больше квартиры, но не роскошный дом, спортивный автомобиль или экстравагантная светская жизнь. Таким образом, менеджеры в некотором роде вынуждены были жить простой жизнью, поэтому у них не могло быть мотивов для коррупции и обмана владельцев. Схожий опыт борьбы с коррупцией был в СССР.

Но сейчас все стало сложнее. Даже здесь, в Стокгольме, вы можете увидеть много роскоши и показного потребления, что означает — здесь есть коррупция, люди тратят много денег на хорошие машины, дорогие вина, ночные клубы. Но теперь стало трудно контролировать коррупцию, ограничивая потребление. Роскошная жизнь есть в каждом городе Швеции, а всего несколько десятилетий назад все было иначе. Раньше люди проводили свободное время, занимаясь спортом, выходя в лес, гуляя... Теперь все изменилось. Люди хотят много комфорта в социальной жизни, они больше общаются, появляется больше ресторанов, это усложняет контроль за коррупцией через потребление. Это можно было сделать, когда лишь несколько сотен человек занимались показным потреблением.

Конечно, вы можете сообщать о случаях коррупции, но здесь нужно иметь доверие к государству. Не каждый пойдет докладывать государству, что его сосед обманщик, что на самом деле он занизил доходы в декларации, но сама вероятность того, что кто-то это сделает, важна. Ведь все легко проверяется, когда прозрачность. В Швеции исторически сложились особые отношения между государством и гражданами, государство старается быть близким к людям и регулировать отношения между ними максимально объективными и прозрачными способами. Я могу направить свои жалобы государству, потому что я ему доверяю, ведь у него есть институты, помогающие найти объективные ответы на спорные вопросы.

Другой тип коррупции отличается тем, что обычно в ней участвуют представители влиятельных организаций, которые имеют связи друг с другом. И у нас нет механизмов для контроля за их отношениями. Обычно в организациях любого типа существует иерархический контроль, но он может контролировать только иерархическую цепочку внутри организации и не может контролировать отношения с другими организациями. Такие отношения возникают не тогда, когда вы находитесь в своей организации и под ее контролем. Вы можете находиться в роскошном отеле, на роскошном курорте или на игре в теннис или в пабе, в клубе... Именно поэтому, когда, например, наш ректор принимает решения, он должен делать это только в кабинете, в котором присутствуют другие люди, наблюдающие за ситуацией. Это должно быть зафиксировано и мотивировано надлежащим образом.

Чтобы я мог принять обоснованное решение участвовать или не участвовать в коррупции, я должен провести мысленный эксперимент, понять, какой результат меня ждет. Если результат предсказуем при следовании официальной процедуре, благодаря использованию общих правил в конкретных случаях, тогда я могу доверять государству и не участвовать в коррупции.

Да, важный момент: чтобы провести такой сложный мысленный эксперимент, человек должен быть образован. В обществе, как минимум, должно быть больше

образованных, критически мыслящих людей, способных понять, как работают и как должны работать здоровые институты. Если в обществе большинство граждан не понимают, что и как устроено в государственной системе, они будут находить превратные объяснения происходящему и воспроизводить коррупцию, поскольку она понятна и кажется простым и работающим механизмом.